

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рубрике представлены некоторые материалы Международной научно-практической конференции «Психология развития человека как субъекта труда. Развитие творческого наследия Е.А. Климова» (Москва, 12—15 октября 2016 г.), организованной факультетом психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Российского психологического общества (РПО).

УДК 331.54, 159.923

ПРОФЕССИЯ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ: К ЗАДАЧАМ ПСИХОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

Н. Н. Нечаев

Исходя из собственной концепции профессионального творчества, автор последовательно анализирует понятия «профессия» и «специальность», а также «профессионализм», указывая на факторы, приведшие в социально-историческом плане к изменениям мира профессиональной деятельности и соответствующим изменениям в профессиональной подготовке. На обширном массиве материала показано, что процесс профессионального совершенствования как поиск нетривиальных путей развития деятельности должен стать основой профессиональной подготовки в любой области.

Ключевые слова: профессия, специальность, профессиональная деятельность, способы деятельности, профессиональная подготовка, профессионализм.

Нечаев Николай Николаевич — академик РАО, вице-президент и исполнительный директор РПО, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии языка и преподавания иностранных языков ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* nnnnechaev@gmail.com

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 16-36-00044).

Разнообразие форм профессиональной деятельности, с которыми приходится сталкиваться, занимаясь в исследовательском плане проблемами профессионального творчества и соответствующих форм профессиональной подготовки, дает богатый материал для выявления ряда общих закономерностей, анализ которых позволяет по-новому рассмотреть давно устоявшиеся принципы и формы организации профессионального образования, целью которого является становление субъекта профессионального творчества.

Первым шагом при рассмотрении проблемы становления и развития профессионала, обладающего творческим потенциалом, является обращение к модели специалиста, к тому идеальному образу будущего специалиста, достижение которого наглядно демонстрирует успешность его профессиональной подготовки.

Решая вопрос о том, что такое модель специалиста, мы вольно или невольно должны входить в содержание его деятельности. Однако при этом мы достаточно быстро обнаруживаем очень важную закономерность, заключающуюся в том, что объект, который мы хотим описать, очень изменчив. И чем точнее мы стремимся описать содержание этой деятельности, тем быстрее полученное нами знание становится никому не нужным. И связано это прежде всего с тем, что конкретная специальность постоянно изменяется и по своим формам, и по своим средствам, методам и способам деятельности. Ее содержание изменяется и в историческом контексте (то, что раньше специалисты подобного профиля делали, теперь не делают), и в конкретно ситуативном: казалось бы, одна и та же деятельность, но взятая в разных условиях своей реализации, выступает и разными чертами, и разными психологическими особенностями.

Отсюда можно констатировать, что моделирование деятельности специалиста при всех благих намерениях далеко не всегда приводило и приводит к серьезным результатам, а в тех случаях, когда содержание деятельности оставалось более или менее устойчивым, разработчики фиксировали лишь банальности, общие места. Например, приходили к выводу, что специалист должен обладать определенными организаторскими компетенциями, — утверждение, применимое, очевидно, к любому специалисту. Но здесь-то как раз и появляются вопросы. Ведь одно дело — формировать эти компетенции у будущего учителя, а другое — у специалиста в области торговли и т.п.

Даже если содержание будущей деятельности, описанное в терминах компетенций, удастся представить конкретно (достаточно проанализировать появляющиеся в последнее время профессиональные стандарты, касающиеся специалистов с высшим

образованием, и аналогичные им Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) предыдущего и нынешнего поколения), то оказывается, что оно столь же закономерно, как и стандарты прошлых поколений, подвержено быстрому устареванию в силу различных причин, причем не только экономических. Иногда просто в связи с принятием нового законопроекта или, скажем, нового постановления правительства, регулирующего отношения в той или иной сфере деятельности (Нечаев, 2005). Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ГОСы 2000 г. с нынешними ФГОС 3, ФГОС 3+ и, наконец, ФГОС 3++. Отнюдь не случайно органы управления (и Минтруд РФ, и Минобрнауки РФ) ставят задачу непрерывного обновления или, как сейчас принято говорить, актуализации как профессиональных, так и образовательных стандартов.

Отсюда понятен интерес к определению психологических инвариантов содержания деятельности специалиста как к попытке найти нечто устойчивое, — то, что выражает сущность профессии, ибо сущность, как заметил в свое время Гегель, сидит крепче. Исследователям представляется, что тем самым можно придать бóльшую стабильность самому существованию человека в профессии, не говоря уже о том, чтобы сделать более стабильной саму систему профессиональной подготовки будущих специалистов с высшим образованием. Насколько оправданы подобные надежды? Есть ли шанс у тех, кто организует наше образование и осуществляет разрабатываемые проекты, найти нечто устойчивое, ту базу, которая позволит реализовывать долговременные стратегии развития профессионального образования, освободив от почти ежедневной суеты пересмотра учебных планов и программ, в которых мы пытаемся «остановить» быстротекущее время? Рецепты, предлагаемые разработчиками таких стратегий, на удивление просты: чтобы успевать за временем, надо бежать быстрее его, т.е. прогнозировать то, что будет, и готовить специалистов не к завтрашнему, а к послезавтрашнему дню. Но возникает закономерный вопрос: а насколько удачен будет подобный прогноз? Прогнозы развития системы образования в СССР до 2000 года, популярные в период перестройки (1985—1989) и касавшиеся не только системы образования, не «видели» ни перспектив развала Союза в 1991 г., ни изменений, произошедших в России далее. Прогнозирование — дело неблагодарное, а то и просто опасное. Ведь часто случается, что и хромой верблюд оказывается впереди каравана, если караван поворачивает назад, говорит одна старая восточная мудрость. Но вспомним еще одно высказывание, принадлежащее К. Марксу: «Крот истории роет верно». **Что и куда роет этот крот?** Из различных сфер и областей производства, науки,

культуры и образования поступают отчетливые сигналы, что человечество перешло на новый этап (точнее, в новую эпоху) своего развития, когда основой любой формы деятельности, и прежде всего профессиональной, становится ее постоянное развитие, поройходящее до самоуничтожения в смысле полного преобразования и мотивов, и целей, и средств профессиональной деятельности. Как говорил великий Леонардо, оставляя свой завет художникам, «меняйся как можно чаще». История различных сфер деятельности в области искусства наглядно демонстрирует, что профессиональная жизнь художника закономерно предполагает постоянную трансформацию средств и способов, подходов к решению задач, возникающих в процессе реализации замысла. Это называется профессиональным творчеством. Поэтому не случайно замечательный и всемирно известный архитектор Ле Корбюзье говорил, что архитектура — не профессия, а образ мышления (Нечаев и др., 1993).

Именно в этой связи необходимо на категориальном уровне различать понятия «специальность», «профессия», с одной стороны, и «профессионализм», с другой. В ряде исследований мы показываем, что при всех ассоциациях, толкающих на объединение этих понятий, их содержание требует не только серьезного анализа принципиальных различий их содержания, но и выявления определенных противоречий в самом их понимании нашим психологическим сообществом.

В этой связи уместно вспомнить слова, которые приводит К. Маркс, анализируя работу Прудона «Философия нищеты» (Маркс, Энгельс, 1955): «Разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, обособленные профессии, а вместе с ними профессиональный идиотизм». В более развернутом виде эта мысль принадлежала философу XVIII в. Лемонте, и Маркс своим высказыванием лишь резюмировал ее в форме афоризма, который, однако, весьма редко цитируется, несмотря на всю свою значимость для психологии труда в целом и в особенности для тех, кто исследует проблемы профессиональной деформации личности в ходе профессиональной деятельности. Психологическая причина в том, что для многих это определение последствий профессиональной деятельности, заключенное в словах Маркса, представляется чрезмерным и даже обидным. Стоит, однако, вдуматься в смысл сказанного, чтобы понять его справедливость. Действительно, чем глубже человек попадает в систему разделения труда, чем лучше овладевает определенной профессией, обособленной специальностью, тем больше он имеет шансов попасть на полюс определенным образом подготовленных специалистов, имя

которым было обозначено выше. В сущности, конкретизированная К. Марксом мысль о том, что чем больше человек специализируется в своей профессии, тем он становится глупее, парадоксальна лишь на первый взгляд.

Но что такое профессия? Попробуем обратиться к словарю и проанализируем следующее определение: «Профессия — это род трудовой деятельности, (занятий) человека, владеющего комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки, опыта работы». Такое определение вряд ли вызовет какие-либо возражения. В наших исследованиях так же укоренилось и различие между профессией как более широким понятием и специальностью как более узким понятием, если иметь в виду характер родовидовых отношений этих понятий. Однако во многих случаях мы сталкиваемся с тем, что профессия поглощает специальность, сливаясь с ней. Так, если существует, например, профессия «укладчик зефира», что же должно выступать как специальность? По сути, одна развернутая операция превратилась в род деятельности, символизируя и профессию, и специальность одновременно. Но, может быть, этот род деятельности слишком простой и не требует специальной подготовки, тогда как по отношению к более сложным профессиям такая подготовка должна начинаться рано? Многим известны словосочетания «школа юного натуралиста», «школа юного психолога», означавшие довузовские формы соответствующей подготовки и профессиональной ориентации, но, например, словосочетание «школа юного хирурга» в принципе невозможно.

Думается, что основная причина указанных противоречий заключается в том, что определение профессии как рода деятельности не просто неточно, оно внутренне порочно. Оно не схватывает чего-то важного, что делает тот или иной вид специальной деятельности профессией. Можно делать что угодно, выполнять различные действия и операции, но это не означает осуществления определенной профессии.

Далее возникает вопрос: кто такой профессионал? Отвечая на этот вопрос, словарь определяет профессионала как человека, который «избрал какое-либо занятие своей профессией, специалист своего дела». Сопоставив два определения, получаем, к сожалению, с точки зрения формальной логики, замкнутый круг, ибо одно определяется через другое. Но даже если не пытаться упрекать составителей словаря в логических противоречиях, другие определения, как показывают научно-теоретические споры на данную тему, не слишком отличаются от приведенных здесь.

Представляется, что многочисленные публикации, обсуждающие содержание профессий и их особенности, возможности и направления профессиональной подготовки, оставляют без ответа главный вопрос — методологическое осмысление этой проблемы, которое и позволяет сформулировать иной к ней подход. Поскольку методологический анализ предполагает проследивание изменения того или иного явления от состояния, когда оно только появляется, до состояния, когда оно уже исчезает, то следует обратиться к тем изначальным временам, когда профессий еще не было, и представить себе ту ситуацию, когда профессий уже не будет. Другими словами, отстраниться от явления, в котором нам представлен объект нашего исследования, и постараться вскрыть его сущность.

В результате такого анализа мы приходим к выводу об изменчивости профессий. Даже на протяжении одной человеческой жизни происходит отмирание одних профессий и появление новых, более того, эта изменчивость проявляется и субъективно в том, что человек сам переходит от одних профессий к другим. Много ли найдется людей, которые всю жизнь сохраняют верность профессии, для которой они получили подготовку? И отношение к разным профессиям может быть весьма различным. Так, социологический опрос американских подростков показал, что среди них рейтинг такой редкой и, на первый взгляд, очень значимой профессии как «президент Соединенных Штатов» очень невысок: она заняла лишь 241-е место из 250.

Эти изменения отражают закон перемены труда, фиксирующий, что человек на протяжении жизни должен 5—6 раз переучиваться. Эта ситуация раньше нередко воспринималась как неприятность и даже стихийное бедствие, хотя обе стороны — и субъект, и работодатели — должны предвидеть ситуацию, когда человек перерастает свой род деятельности, и необходимо создавать для него новые условия. Но это уже задачи соответствующей социальной, кадровой политики.

Второй тезис касается непосредственно наблюдаемого нами процесса смены техники и технологий. И это те кардинальные изменения, которые «взрывают» мир устойчивых профессий. При этом названия тех или иных родов или видов деятельности могут сохраняться лишь как слова, абстрактно маркирующие некую сферу, а потому сам характер изменений остается нераскрытым.

И, наконец, еще одно явление, которое необходимо иметь в виду в связи с методологическим анализом проблемы соотношений обозначенных выше понятий. Речь идет о темпах обновления знаний и методов работы в основных видах профессиональной

деятельности. Специалисты вывели условную формулу: период полураспада знаний в настоящее время равен 3—5 годам. Это значит, что за 6—10 лет научно-технического прогресса происходит полный распад соответствующих специальных знаний, определяющих сущность имеющихся компетенций; другими словами, корпус этих знаний полностью обновляется. Конечно, это острое утверждение имеет определенные ограничения, но факт остается фактом: многое и очень многое в системе ключевых знаний о мире своей профессиональной деятельности обновляется настолько быстро, что традиционные формы повышения квалификации и переподготовки должны заменяться тренингами личностного роста. Специалист, теряющий свою компетентность, тем самым утрачивает свой профессионализм, становится все более и более непрофессиональным.

Все эти проблемы и существующие в разных странах пути их решения свидетельствуют лишь об одном: профессия как «устойчивый род деятельности» перестает существовать, профессия как некая обобщенная специальность становится чем-то другим. Может быть, в этом случае традиционное определение — «профессия как род занятий» — «схватывает» какой-то важный оттенок мысли, заключающийся в понимании генезиса, зарождения и рождения любой профессии?

Что такое мир профессий? В традициях немецкой классической философии и отечественной психологии, которая опиралась на немецкую классическую философию, важно представлять мир профессий как мир проявлений человеческой сущности. Известно приводимое С.Л. Рубинштейном выражение Маркса о том, что промышленность есть открытая книга человеческих сущностных сил, чувственно представшая перед нами психология. Если мир профессий рассматривается как мир проявлений человеческой сущности, то возникает вопрос: какой из этих миров первичен? Каким бы парадоксальным ни показалось наше утверждение, большинство отечественных авторов считает, что первичен мир проявлений человеческой сущности. Хотя, следуя основной идеологической установке материализма, обычно проговаривали противоположное. Однако весьма прочным оставалось и остается представление о том, что разнообразные явления человеческой сущности, конечно, находятся вне человека, но сама по себе эта сущность находится внутри него.

Эта своеобразная психологическая робинзонада до сих пор, к сожалению, является общим местом не только отечественной психологии. Так, умиляясь первым проявлениям активности ребенка, мы приписываем ему художественные способности до всякого его

знакомства с художественной деятельностью. Мы «видим» неизвестно откуда и случайно возникшую специализацию его деятельности в малейших проявлениях и считаем ее принадлежащей ребенку не как социальному, но как природному существу, и эта позиция разделяется не только обыденным сознанием, ее достаточно часто выражают и ученые, особенно увлекающиеся психогенетикой. Однако, исходя из представлений об общественно-исторической природе способностей, не так легко объяснить многие парадоксы развития и профессиональных способностей, и самих профессий. Характер и содержание деятельности современного инженера качественно отличаются от того, что знал и умел инженер позапрошлого века, хотя тогда само слово «инженер» звучало веселее, чем сейчас. А в XVIII в. профессии «инженер» вообще не было. Откуда же появились инженерные способности? Отнюдь не случайно решение задачи профессионального самоопределения видят в том, чтобы помочь человеку найти себя, выявить скрытое в нем нечто. А откуда взялось это нечто, какова его природа, каковы механизмы возникновения этого внутреннего профессионального Я? Все эти вопросы либо не задают, либо отсылают к еще более неясным основаниям.

Яснее эти вопросы не делаются от того, что мы используем различные методы диагностики, тестирования, казалось бы, позволяющие выявить, что есть в человеке, каковы его возможности, и тем самым как бы облегчить его профессиональное самоопределение.

Мы сравнительно недавно заговорили о бизнесе и бизнесменах. И уже среди нас появились «прирожденные» бизнесмены, которые, оказываясь, были и раньше, но либо пребывали в местах не столь отдаленных, либо успешно прятались от блюстителей Уголовного кодекса.

Разумное понимание профессии появляется лишь в том случае, когда мы начинаем анализировать элементарную единицу профессиональной деятельности — ее конкретные способы. Способ, каким действует человек, на наш взгляд, должен стать основной единицей анализа человеческой деятельности. Данные серьезных физиологических исследований, и в первую очередь работы Н.А. Бернштейна, свидетельствующие об уникальности каждого человеческого действия, заставляют нас даже автоматизированные рефлекторные акты рассматривать как психологически содержательные действия, превратившиеся в одномоментные операции. Если мы поймем это, то тогда мы также поймем, как из отдельной операции может рождаться развивающаяся впоследствии профессиональная деятельность.

Психологическое богатство деятельности создается не тем, что человек делает, а тем, как он это делает. В вышедшей в 1924 г. книге

немецко-американского психолога Г. Мюнстерберга «Психология и экономическая жизнь» приводятся интереснейшие с психологической точки зрения примеры монотонии, а точнее, того, в каких случаях сам человек воспринимает свою деятельность как монотонную (Мюнстерберг, 1924). Любопытно, что даже представители творческих профессий (актер, учитель и т.п.) порой относились к своей деятельности как монотонной и надоевшей (каждый день делаешь одно и то же перед классом или перед зрителями), тогда как рабочий, пробивавший дырки в железном листе, находил свою деятельность творчески разнообразной и психологически интересной (шаблон каждый раз надо прикладывать по-разному, так, чтобы сэкономить материал); укладчице лампочек ее работа также не казалась монотонной (ведь каждый лист бумаги шуршит по-разному).

Итак, психологическое богатство или убожество трудовой деятельности связано не с конкретным ее содержанием, а с теми возможностями, которые она дает для выражения человеческой сущности. Возьмем профессию научного работника. В том, что она существует, нет сомнений, особенно если обратиться к действовавшему до недавнего времени общегосударственному регистру, содержащему перечень профессий. Но вот другое определение научного работника, взятое не из справочника: «научный работник — это человек, удовлетворяющий свое любопытство за государственный счет». При всей кажущейся несерьезности подобного определения оно ценно тем, что содержит важную содержательную характеристику такого специалиста. Обращение к не столь уж давней истории показывает, что люди, выполнявшие научные исследования лет сто тому назад, не получали никакой помощи от государства, следовательно, они «удовлетворяли свое любопытство» за свой собственный счет, т.е. были любителями, а не профессионалами.

Поэтому для сегодняшнего времени данная характеристика — получать за свой труд средства к существованию — является вовсе не случайной, а весьма существенной: профессиональная работа — это работа, которая оплачивается. А бескорыстная любовь к делу, труд, так сказать «по любви»? Хорошо, конечно, когда то и другое совпадает, но, к сожалению, жесткие требования реальной жизни чаще всего разводят отношения «по любви» и «за деньги». Как сказал когда-то А.С. Пушкин: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

Итак, профессионализм определяется статусом выполняемой деятельности или вида работы в общей системе жизнедеятельности человека. С этой точки зрения сам Пушкин был первым профессиональным поэтом в России. Это утверждение вовсе не

подразумевает сравнения художественных достоинств произведений Пушкина и его предшественников. Мы утверждаем лишь, что профессиональный статус его поэтической деятельности прежде всего определяется тем, что с ее помощью он добывал средства к существованию. Поэты, «творящие на досуге», при всех возможно высоких художественных достоинствах их произведений тем не менее остаются любителями.

Следовательно, прежнее определение профессии требует уточнения с точки зрения того, что род трудовой деятельности может считаться профессией только в том случае, если эта деятельность оплачивается. Профессионализм и любительство не противопоставлены друг другу. Факты из биографий многих известных людей говорят об этом. Так, известный физик Луи де Бройль был также известным знатоком вин, и признание его заслуг в этом любительском для него увлечении было для него не менее важно, чем отклики коллег на результаты его научных исследований. Владимир Набоков известен как крупнейший писатель, но энтомология была страстью его души и любимым делом (Нечаев, 2006). Такое «экономическое» понимание профессионализма, отвечающее реальностям сегодняшней жизни, не является, конечно, единственным основанием для понимания того, что же такое профессия и профессионализм. Это основание появится, если мы сумеем ответить на вопрос: чем самый изощренный любитель отличается от самого примитивного профессионала?

Важнейшая сторона проблемы профессионализма заключается в отношении человека к деятельности, когда эта деятельность осуществляет значимые для данного субъекта мотивы и цели и тем самым выступает способом и формой его самоактуализации и самореализации. Профессия становится формой жизненного и личностного самоопределения (Nechaev, 1994). Отношение к профессии как к осознанному способу самоопределения имеет самую непосредственную связь с проблемой развития личности. Но развитие личности — это всегда отторжение того, что было, но отторжение с сохранением. То, что было в человеке, никуда не уходит, а лишь преобразуется во что-то иное, актуально значимое в данный период или даже момент жизни. Как отмечал И.С. Тургенев в одном из своих стихотворений в прозе: «И я сжег все, чему поклонялся, поклонившись всему, что сжигал».

Что значит такое понимание личности для понимания сущности профессии? В этом контексте одно из самых интересных для нас явлений — свободные профессии. Что это такое, если выйти за пределы сугубо житейских представлений о том, что свободные профессии связаны с отсутствием необходимости обязательного

пребывания на работе? Стоит вновь обратиться к словам Гёте о том, что свободная профессия — это отсутствие закрепощенности отдельным видом деятельности. Следовательно, человек, владеющий этой профессией, — это человек, имеющий возможность свободного перехода от одного вида деятельности к другому в зависимости от своих желаний и возможностей. Ограничения здесь играют существенную роль, отражая реалии нашей жизни, ибо идеал поэта — «...землю попашет — попишет стихи» — практически мало осуществим, если человеку приходится по-настоящему пахать. О свободном переходе от одного вида деятельности к другому можно говорить, очевидно, только в том случае, если сам человек имеет возможность определять меру своего труда, как это делал старый князь Болконский, который, поработав на станке, мог затем писать мемуары, воспитывать домашних и т.п.

С этой точки зрения термин «свободная профессия» совсем не случайно ассоциируется с художественной деятельностью. В такого рода деятельности человек имеет возможность наиболее полно реализовать себя. Здесь человек может сам порождать замысел, осуществлять исполнение, оценивать результат. На примере подобных видов этой деятельности можно наиболее ярко показать, что такое профессионализм.

В этом отношении показательна творческая эволюция Пабло Пикассо, который, как известно, к концу жизни стремился рисовать почти как ребенок и сокрушался, что не может добиться той простоты графического выражения, которой дети владеют без всяких усилий. Куда направлена такая эволюция художника? К совершенству, т.е. высшему профессионализму? Или это деградация, связанная с возрастом художника? Характерно в этой связи замечание И. Эренбурга о Пикассо: «Мир изменился, я себя не узнаю, а он остался таким же» (Нечаев и др., 2008). Парадокс заключается в том, что этот художник как раз очень часто менял свои манеру и стиль, все время менялся для того, чтобы в конце жизни добиваться детской простоты. Художественная деятельность ломает шаблоны, устанавливает образцы. «Делай, как я. Это значит — не надо за мной», — звучит в одной из песен В. Высоцкого.

Процесс профессионального совершенствования как поиск нетривиальных путей развития деятельности и осознанный отказ от наработанных способов напрямую связан с проблемой индивидуального стиля деятельности. Поэтому масштаб художника определяется уровнем мастерства, а мастерство выражается в том, какие нормы он преодолевает.

Конечно, художественная деятельность уникальна, и подготовка к ней часто индивидуализирована, происходит как передача

мастерства «из рук в руки». Возникает вопрос: насколько сказанное здесь относится к массовой профессиональной подготовке? Но кто сказал, что профессиональная подготовка должна быть усредненно массовой? Скажем, если высококлассный токарь получает шестой разряд, это означает, что он шел путем профессионального совершенствования, который психологически тождествен аналогичной деятельности художника или артиста. Но на второй разряд всех готовят одинаково. И не заложены ли в самой организации этой подготовки такие стандарты, которые не формируют мотивы, обеспечивающие готовность к развитию деятельности, и не задают необходимых средств и способов, а соответственно условий и возможностей для дальнейшего развития их профессионального творчества?

Главный вывод, который вытекает из вышесказанного, заключается в том, что необходимо изменить не только предмет деятельности, но и ее содержание, включая способы и условия деятельности (Nechaev, 2015). Только в этом случае можно обеспечить формирование профессионала, постоянно обновляющего операционный фонд своей деятельности и тем самым постоянно развивающего свою деятельность и развивающегося как личность. Но как говорили древние: «Дорогу осилит идущий».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Политиздат, 1955.
- Мюнстерберг Г. Психология и экономическая жизнь / Пер. с нем. М. Кручинина. М.: Современные проблемы, 1924.
- Нечаев Н.Н. Профессионализм как основа профессиональной мобильности. М.: Иссл. центр Минобрнауки РФ, 2005.
- Нечаев Н.Н. «Очеловечивание» творчества: проблемы и перспективы // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 3—27.
- Нечаев Н.Н., Иванова Г.И., Степанов А.В. Архитектура и психология. М.: Стройиздат, 1993.
- Нечаев Н.Н., Сулименко С.Д., Степанов А.В. Архитектура: пространство, время, культура. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2008.

Nechaev N. Grundlegende psychologische Aspekte zur Forderung der Kreativität in Konzepten von Berufsorientierung und Berufsbildung // Internationaler Arbeitskreis Sonnenberg. 1994. S. 13—28.

Nechaev N. A psychological mechanism for the development of activity: The cross-cultural context // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 200. P. 33—39.

PROFESSION AND PROFESSIONALISM: TO THE TASKS OF THE PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL CREATIVITY

Nikolay N. Nechaev

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract: Proceeding from his own concept of professional creativity, the author consistently analyzes the concepts of profession and specialty, as well as professionalism, pointing to the factors that led socially and historically to changes in the world of professional activity and the corresponding changes in vocational training. On a vast array of material, it is shown that the process of professional development as the search for non-trivial ways of development of activities should become the basis of professional training in any field.

Key words: profession, specialty, professional activity, methods of activity, vocational training, professionalism.

References:

- Marks, K., Engel's, F. (1955) *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow: Politizdat.
- Myunsterberg, G. (1924) *Psikhologiya i ekonomicheskaya zhizn'* [Psychology and economics] / Translator M. Kruchinin. Moscow: Sovremennye problemy.
- Nechaev, N. (1994) Grundlegende psychologische Aspekte zur Forderung der Kreativität in Konzepten von Berufsorientierung und Berufsbildung. *Internationaler Arbeitskreis Sonnenberg*, 13—28.
- Nechaev, N.N. (2005) *Professionalizm kak osnova professional'noy mobil'nosti* [Professionalism as the basis of professional mobility]. Moscow: Issl. Tsentr Minobrnauki RF.
- Nechaev, N.N. (2006) «Ochelovechivanie» tvorchestva: problemy i perspektivy. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 3, 3—27.
- Nechaev, N. (2015) A psychological mechanism for the development of activity: The cross-cultural context. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 200, 33—39.
- Nechaev, N.N., Ivanova, G.I., Stepanov, A.V. (1993) *Arkhitektura i psikhologiya* [Architecture and psychology]. Moscow: Stroyizdat.
- Nechaev, N.N., Sulimenko, S.D., Stepanov, A.V. (2008) *Arkhitektura: prostranstvo, vremya, kul'tura* [Architecture: space, time, culture]. Rostov-na-Donu: YuFU.

Original manuscript received October, 10, 2016

Revised manuscript accepted November, 01, 2016